

Глава 1. Деревенский мясник

—
После этого дождя глубокая осень окончательно вступила в свои права.

Ветер сорвал несколько последних уцелевших листьев с засохшего османтуса перед домом, редкие капли дождя смачивали землю, а некоторые проникали внутрь ветхого жилища.

Говорят: если кому-то суждено умереть, то перед домом умрёт одно дерево.

Чжан Фаньюань никогда не верил в такие предрассудки. Пока не увидел собственными глазами, как тот зелёный, стройный османтус за окном в одну ночь пожелтел и сбросил листву под осенним ветром, а его ствол стал лёгким и неустойчивым, будто корни не держали. Только тогда он поверил.

Тот османтус он посадил в двадцать лет, по случаю совершеннолетия, и вот уже больше пятидесяти лет он здесь. Все эти годы, каким бы засушливым ни было лето, как бы ни ложились зимние снега, с наступлением осени двор неизменно наполнялся ароматом его цветов.

Такой выносливый османтус... умер без всякого предупреждения.

В доме семьи Чжан все эти годы жил лишь один старый холостяк, прожив в одиночестве десятилетия, а теперь, когда дерево перед домом погибло, умирать, выходит, придётся ему самому — Чжан Фаньюаню.

Он лежал в ледяном доме под стук осеннего ночного дождя, его тело обмякло, будто раскисшая грязь, он свернулся под чёрными, затвердевшими, словно железо, одеялами. И даже дыхание, казалось, отнимало у него половину сил.

В комнате не горел свет, у изголовья кровати дежурил лишь проникающий сквозь незаклеенное окно холодный ветер. Дождь стучал, небо темнело, и в доме становилось всё холоднее и безлюднее.

С тех пор как он слег, дни проходили в полусознательном состоянии. Когда было чуть больше сил, он, опираясь на стену, вставал, чтобы приготовить немного еды. Когда не мог подняться — просто лежал в постели и голодал. Всё равно в его глухом дворе за десять дней-полмесяца никто не появлялся.

Столько дней сознание было затуманено, но сегодня — странное дело — с наступлением ночи он почувствовал холод, услышал, как снаружи пошёл дождь, и внезапно прояснился разум, вновь обретя способность чувствовать тепло и холод.

Он отчётливо понимал: это предсмертное просветление, сегодняшняя ночь — его последние часы.

Придя в себя, он стал прислушиваться к стуку дождя, наполнявшему весь дом. Прогнившая крыша не могла удержать воду, и та текла прямо внутрь, ближайšie капли падали у самой кровати. Сердце рвалось, но сил не было, и он, словно пучок сухой травы, лежал на кровати, вспоминая свою бестолковую жизнь.

Дом семьи Чжан не всегда был таким безлюдным, раньше и здесь кипела жизнь. Чжан

Фаньюань не был сиротой, до двенадцати лет у него были и отец, и мать, были дяди, двоюродные братья. В те времена он жил привольно: сегодня запустит руку в воду на поле за рыбой, завтра полезет в горы за птицами. Он даже выучился у старого вдовца на краю деревни ремеслу мясника — за что бы ни взялся, всё ему удавалось.

Рослый, крепкий, с мускулистым телом, он был признан деревенской детворой своим вожаком, творил что хотел, и если он говорил «раз», ни один ребёнок в деревне не смел сказать «два».

Как же он тогда ликовал! Стуча себя в грудь, обещал матери: «Я стану самым богатым в деревне, заработаю тысячи гуаней*, выстрою дом на несколько дворов, возьму три-пять жён и заведу кучу детей, чтобы семья Чжан процветала!»

[*Гуань (斤, guàn) - связка 1000 медных монет, что эквивалентно 1 лян серебра.]

Мать всегда смеялась над ним, говорила, что он не знает меры, ни в чём не основателен и серьёзен, день-деньской только пустыми словами бросается.

Чжан Фаньюань поклялся доказать матери, что он может. Но не успел он исполнить своё обещание, как отец, пьяный, вернулся домой, затеял с матерью ссору и ударил её. Мать не смогла снести обиды и бросилась в реку. Чжан Фаньюань в ярости готов был загрызть отца, но не успел — на следующий день отец тоже проглотил яд... И тогда выяснилось, что мать изменила, а отец, не вынеся этого...

Чжан Фаньюань устроил отцу и матери похороны, а сам зажил вверх тормашками.

Тратил деньги, которые семья копила ему на невесту, на вино и развлечения, водился с городскими никчёмными сынками богачей. Другие использовали его как дубинку, а он, дурак, радовался, воображая себя большим человеком. В итоге взял на себя вину за самого доверенного барина-молодого хозяина, угодил в тюрьму, вышел оттуда больным калекой и не мог найти работу.

Воображал, что прожил жизнь вольготно и свободно, а под конец не нашлось даже человека, который мог бы проводить его в последний путь. Дяди, двоюродные братья и сёстры сторонились его, давно вычеркнули из клана.

В деревне репутация его была тоже никудышной, все считали его никчёмным старым холостяком, бездельником-лентяем... За всё время его болезни отзывчивые односельчане ни разу не заглянули проведать. В конце концов он оказался одиноким стариком, тихо умирающим в своей постели.

Лишь на смертном одре он осознал: всю жизнь прожил впустую.

Глаза его были широко раскрыты, в сердце бушевали раскаяние и нежелание смириться. Уставившись на мёртвый османтус за окном, он, наверное, даже не заметил, когда перестал дышать.

...

— Чжан Фаньюань, Чжан Фаньюань! Ты дома?

— Чжан Фаньюань!

В полусне Чжан Фаньюань услышал, будто кто-то зовёт его по имени, а вместе с тем раздался громкий стук в дверь. Он рассердился: какой же это младший в деревне посмел называть его по имени? Всё-таки он уже в возрасте прадеда. Но стук и крики были слишком настойчивы, и он одним движением поднялся с кровати.

Поднявшись, он тут же почувствовал неладное: отчего его тело вдруг стало таким сильным и лёгким? Не веря своим глазам, он вышел из комнаты. Снаружи дул холодный ветер, трава поблёкла, двор был пуст, а того османтуса, что сопровождал его десятилетия, и вовсе не было.

— Так ты дома! В семье Сюй воду уже вскипятили, а тебя всё нет, все изволновались! Быстрее, бери свои инструменты и пошли, те, кто за мясом, уже пришли, нехорошо заставлять людей зря ждать.

Чжан Фаньюань смотрел на молодое лицо перед собой, знакомое и в то же время чуждое. Он помнил, что этот парень — четвёртый сын семьи Чэнь, их сосед. В юности тот часто ходил за ним по пятам. Но этот парень разбился насмерть, упав со скалы, когда ему было около двадцати лет, и случилось это уже несколько десятилетий назад. Как же он сейчас стоит здесь целый и невредимый?

— Ты о чём замечтался?

— Зачем зовёшь? — спросил Чжан Фаньюань.

— Вижу, вчера в городе перебрал и до сих пор не очухался. Сегодня в семье Сюй режут свинью к Новому году, ты же сам с утра обещал прийти забить, а сам копаешься тут. Как ты думаешь, зачем я тебя зову?!

Чэнь Сы, видя, что тот всё ещё витает в облаках, с досадой сам вошёл в дом и собрал за него инструменты для забоя скотины.

Чжан Фаньюань в оцепенении смотрел на окружение, одновременно знакомое и чужое. Будто он вернулся на десятки лет назад, в свои девятнадцать лет, когда даже во дворе было пусто, и тот османтус ещё не был посажен.

Он обежал дом спереди и сзади и наконец остановился у колодца, глядя на своё молодое лицо и крепкое тело, наполнявшее одежду, на выпуклые мышцы груди.

Он потрогал своё лицо, а затем даже оттянул кожу на щеках, пока не вскрикнул от боли.

Радость медленно поднялась от самых ступней и чуть не сбила его с ног.

— Ты что там делаешь? Бес в тебя вселился?

Чжан Фаньюань проигнорировал вопрос Чэнь Сы, с восторгом выхватил у него из рук инструменты и бережно потрогал этот набор, за который когда-то заплатил немалые деньги. Ручки были ещё свежего деревянного цвета, лезвия не затупились, всё выглядело совсем новым.

Чэнь Сы только думал, отчего этот человек сегодня такой странный, как вдруг тот схватил его за руку:

— Это ты, парень, будто с того света вернулся. Быстрее, пойдём, не будем заставлять людей ждать.

Чэнь Сы, которого Чжан Фаньюань тащил за собой, глядя на того, широко шагающего впереди с улыбкой до ушей, почувствовал жутковатый холодок.

На душе у него было беспокойно, и он смягчил тон:

— Фаньюань, ты бы поменьше в город за вином ходил. Знаю, тебе эти несколько монет не жалко, но если ходить каждый день, деревенские сплетники опять начнут болтать. Ты сегодня какой-то странный, да и смотри: нам в этом возрасте уже пора бы подыскивать пару. Если о тебе будут плохо говорить, кто же осмелится прийти к тебе домой?

Раньше Чжан Фаньюань действительно не помнил, чтобы кто-то говорил ему такие разумные слова. Возможно, в те времена он их просто не слушал. Но, пережив целую жизнь, сегодня, вновь услышав этот совет, он невольно растрогался. Обняв Чэнь Сы за шею, он ответил:

— Ладно. Не буду больше шататься по городу и пить.

Чэнь Сы знал, что характер человека не так-то легко изменить. Чжан Фаньюань был несчастен: раньше парень был что надо, но семейная трагедия испортила его нрав. Теперь он пристрастился к пьянству и гулянкам, разве двумя словами его переубедишь?

Если бы он действительно прислушивался к словам, дяди из семьи Чжан не захлопывали бы перед ним двери и не отворачивались бы с холодными лицами, а тётки со стороны матери Чжан Фаньюаня не вздыхали бы и не избегали его.

Но, видя искренность Чжан Фаньюаня, даже понимая, что тот не внял его словам, Чэнь Сы всё равно улыбнулся:

— Вот это правильно. Сегодня в семье Сюй половину свиньи оставят себе, половину продадут, покупателей много будет. Скоро зимнее солнцестояние, моя мать тоже велела мне помочь семье Сюй с забоем, потом сторгуюсь и куплю пару цзиней мяса, дома поедим.

Чжан Фаньюань весело ответил:

— На зимнее солнцестояние надо баранину есть, согревает.

Чэнь Сы вздохнул:

— Эта штука дорогая, почти в два раза дороже свинины, как вообще кто-то может себе это позволить?

Глаза Чжан Фаньюаня засияли:

— Как-нибудь я достану немного, приходи ко мне поесть.

Чэнь Сы широко раскрыл глаза:

— Правда? Правда позовёшь?

— Зачем тебя обманывать? В одиночестве еда не в радость, вкуснее, когда людей много.

— Наверное, ты единственный в нашей деревне, кто мог бы сказать что-то подобное.

Чжан Фаньюань рассмеялся. В деревне действительно он один остался после смерти родителей, да ещё и с небольшими деньгами. Ему одному надо прокормиться, и на всю семью

забот нет, в этом плане он, естественно, свободнее обычных парней.

Чэнь Сы приободрился и разговорился ещё больше, таинственно понизив голос:

— Я слышал, сегодня на забой свиньи к семье Сюй много людей понаехало, не только за мясом, но и свахи есть. Говорят, хотят посвататься к барышне Сюй, присмотреть невесту.

Чжан Фаньюань поднял бровь. Раньше он целиком погружался в городскую жизнь и мало интересовался деревенскими сплетнями:

— Свататься?

— Ты что, забыл? Второй дочери семьи Сюй, Сюй Шаочунь, в прошлом году исполнилось пятнадцать, но до сих пор жениха не выбрали. Я сегодня тоже пойду, авось повезёт, и вторая барышня на меня посмотрит.

Чжан Фаньюань нахмурился. Сюй Шаочунь была признанной красавицей деревни Цзицзю. Девушка — просто загляденье, даже дочери некоторых городских богачей не сравнятся. Свахи, взглянув, говорили, что она плодovита, сводила с ума всех деревенских парней.

Теперь девушка достигла брачного возраста и, естественно, стала лакомым кусочком.

Заговорив об этом, Чжан Фаньюань тоже почувствовал прилив тепла в груди.

—

<http://bllate.org/book/13886/1225433>